

Почему непонятны православные молитвы

«Вот читал утренние молитвы, сначала читал на этом непонятном языке и не понимал никакого смысла, но читал. Но уже на второе прочтение захотелось понять, что там пишут. Я уже давно думал о том, что это важно настраиваться с утра на день, и как это сделать лучше кроме молитвы. Но это должна быть осознаваемая молитва. Ты в ней должен пройти от связи с бесконечным до текущего дня. Грубо говоря, связать все цели, мечты, жизнь, смерть, и наполнить себя что ли благоговением на день. Пока на текущий момент я нашел на русском толкование этих молитв, и стал читать именно на русском. Совсем другое понимание и другой интерес. Зачем мне мирскому (?) человеку читать молитву на этом церковнославянском? Иисус же по-простому доносил идеи до людей. А тут какая-то непонятность. Читаешь по-русски и понимаешь, что именно ты говоришь. К кому обращаешься и чего просишь-то!» Это муж во время моего отъезда решил духовно подрасти и делится своими первыми впечатлениями о церковнославянском языке (далее – ЦСЯ). Все откладывала пост про это, но вот появился повод. Так уж получилось, что историю нынешнего языка богослужения я отлично знала, когда богослужение мне было совершенно неинтересно – на своем гуманитарном факультете. Этот пост посвящен удивительному парадоксу православия: пока православные молитвы переводятся на все языки мира, чтобы донести до людей невиданную мощь православной веры, в храмах России богослужение идет на нерусском языке. Более того – даже на языке из другой языковой группы, то есть гораздо более далеко от нас, чем, например, украинский или белорусский.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ – ЭТО «ПРАВИЛЬНЫЙ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ» РУССКИЙ?

Некоторые верующие наивно полагают, что ЦСЯ – это «чистый, исконный, правильный русский». На самом деле это не русский и никогда им не был. Когда-то чуть больше 1000 лет появилась необходимость перевести богослужебные книги с греческого языка на язык, более доступный для понимания населению Руси. Для этого были приглашены небезызвестные Кирилл и Мефодий, которые изобрели кириллицу, и с ее помощью перевели богослужебные тексты... на какой язык? А вот это интересно. На некий искусственный язык, который был основан вовсе не на древнерусском, а на болгаро-македонском (!) диалекте, который был роднее и ближе самим переводчиками. Сейчас он известен как «старославянский». Ныне в восточной подгруппе южнославянской группы языков остались болгарский, македонский и как раз старославянский. А где же русский – спросите вы? А он вообще в даже другой группе славянских языков – в восточнославянской. Надо заметить, что старославянский никогда не был ничьим живым разговорным языком, это был чисто книжный язык. В течение следующих пары веков под влиянием живых славянских языков он несколько искажился, но с тех пор особо не менялся. В этом виде он известен под именем «церковнославянский». Приставка «церковно-» как раз подчеркивает тот факт, что нигде, кроме как в церкви, он никогда не использовался. Вопрос – почему бы было не перевести на кучу реальных живых языков Руси? А потому, что переводческие возможности того времени были ммм... несколько ограничены. Ни тебе словарей, ни кучи образованных переводчиков, ни гугл.переводчика, ни книгопечатания. Поэтому ЦСЯ стал вполне приемлемой мерой для того, чтобы сделать усредненно-понятным всему населению Киевской Руси. А потом, по мере развития этих самых живых языков, он становился все менее и менее понятным... Особенно русским, учитывая, что древнерусский, от которого произошел русский, вообще был из другой языковой группой – с грамматикой и фонетикой, весьма далекими от болгаро-македонских. То есть современный нам язык православного богослужения имеет мало общего не только с современным русским, но даже от древнерусского он очень далек. С тех пор православное богослужение и молитвы переводились на кучу языков, но почему-то именно в РУССКОЙ Православной Церкви богослужение ведется до сих пор на нерусском языке, молитвословы пишутся на нерусском языке – традиция! А призывы говорить и молиться по-русски в Русской Православной Церкви считаются модернизмом и нарушением традиции. Особенно меня в этой ситуации умиляют некоторые «русские православные патриоты», на страницах своих изданий буквально скандирующие «Долой русский язык!» о_О Эти люди явно очень любят русскую культуру, но мало что в ней понимают – что и приводит к таким забавным парадоксам. Для них, похоже, главное, чтобы потрадиционнее. Да и в конце концов, в школе православные патриоты, как и все граждане РФ, изучали великий и могучий русский язык, и знать не знают о каких-то там южноболгарских диалектах. А узнай они правду – что будет? Для меня совершенно непонятно, зачем так упорно дискриминировать «русский народ, носитель православия»? Иллюзии на тему, что ЦСЯ – это некий «поэтический стиль» русского, легко развеет любой филолог. Да и что поэтического во всех этих

«бых»? Развеет филолог и миф на тему того, что под давлением богослужения современный русский язык облагородится и приблизится к ЦСЯ, а русские массово начнут на нем говорить в повседневной жизни, как якобы когда-то, когда деревья были выше, а нравственность в народе прочнее. ЦСЯ – это «усредненный язык», чисто утилитарный ход, чтобы смысл Библии донести до максимального количества людей, говорящих на разных славянских диалектах 1000 лет назад. Это разновидность «пиджинов» - смешанных языков общения для народов, не имеющих общего языка. В общем, язык из серии «Шпрехать на дойче» или «фейсом об тейбл». Для меня отказ говорить по-русски в церкви и молиться по-русски дома – это не просто дискриминация русских, но и неуважение к русской культуре и языку. В конце концов, с каких это пор русский язык недостаточно велик и могуч? Неужели он менее велик и могуч, чем македоно-болгарский диалект тысячелетней давности, или любой из мировых языков, или даже любой из языков малых российских народностей, на которых сейчас ведется православное богослужение?

ПЕРЕХОД НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ИСКАЗИТ СМЫСЛ?

Одно из распространенных заблуждений – что якобы переход на русский обеднит и исказит смысл церковнославянских текстов. Однако 1000 лет назад были только Кирилл и Мефодий с чернилами и бумагой, а сейчас куча образованных людей, технических средств и богатейшая церковная традиция. Так в каких же условиях можно лучше передать смысл? Сейчас переводы всех текстов на русский уже есть, а у Церкви масса ресурсов, что все уточнить, согласовать, перевести максимально точно – разве это не более высокая миссия, чем сообщающая оберегать отжившие формы? Что потеряется от божьего слова, если изменить все эти «бых» на «был»? Почему южноболгарский диалект 9 века должен быть моим языком обращения к Богу? Зачем затемнять смысл? Ведь вся задача Церкви – прояснить божье слово, сделать его максимально доступным людям.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ – ЭТО ОСОБО СВЯЩЕННЫЙ ЯЗЫК?

Приходилось мне слышать и про особую «божественность» ЦСЯ. Но вообще-то в церковнославянском никакой такой сакральности нет, Библия изначально была написана на древнееврейском, потом переведена на греческий, потом – на ЦСЯ. Перевод на русский будет просто очередным этапом этой длинной эволюции. На статус «божьего языка» может претендовать разве что иврит. Вот цитата из социальной концепции РПЦ – «Народ израильский говорил на одном языке, бывшем не только языком повседневности, но и языком молитвы. Более того, древнееврейский был языком Откровения, ибо на нем говорил с народом израильским Сам Бог». То есть Бог не стал говорить с евреями на каком-то непонятном им особом языке. Церковнославянский же явно не является языком откровения, и языком повседневности тоже никогда не был – это искусственно изобретенный язык для временных нужд Руси 1000-летней давности. Но даже если бы он был особо «священным», в социальной концепции Русской Православной Церкви написано: «Евангелие Христово проповедуется не на священном языке, доступном одному народу, но на всех языках (Деян. 2. 3-11)». – так почему же не НА РУССКОМ? ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ПОНЯТЕН? Некоторые утверждают, что ЦСЯ как-то «интуитивно почти» понятен. По-мне, так это уж очень большое «почти»... Например, в молитве перед вкушением пищи – «господи, исполняеши всякое животное благоволение» – место, способное ввести в ступор без словаря. Где-то я встречала «налоги бесов», от которых просят спасти Богородицу. Так и представляю, как Богородица делает налоговые вычеты. В каноне Иисусу Христу есть место, где «праведницы возрадуются, а грешники восплачутся». А праведники что, не возрадуются – может спросить себя недоуменный русский читатель? Он вообще-то не обязан знать, что это просто множественное число, а не женское форма. Грамматика – вообще отдельная тема. Непроизносимые формы перфектных времен, путаница с ударениями падежными окончаниями (типа «Царю» - не дательный, а звательный падеж, о котором негуманитарий русский и слыхом не слыхивал). Перечислять эти штуки можно бесконечно, тысячи их. В смысле имя им – легион. Но... мыши плакали, кололись, но продолжали вкушать кактус.

КАЖДЫЙ ВЕРУЮЩИЙ ДОЛЖЕН ИЗУЧАТЬ ЦСЯ?

Еще один прекрасный аргумент – мол, да, ЦСЯ непонятен, но каждый верующий должен продираться через церковнославянский и изучать его, чтобы познать Слово Божье – хочешь жить, умей вертеться. Но это подход всяких мистиков и эзотериков! Христианская благая весть превращается в какое-то

эзотерическое знание (буквальный перевод «скрытое»), которое специально затемнено и загадочно, доступно только избранным, непонятно простому человеку. Это в корне противоречит посылу «идите и научите все народы», убивает смысл «дара языков» и проч. Причем такой подход применяется только исключительно к русским – православные японцы или православные англичане, в отличие от православных русских, отлично понимают молитвы и богослужения, переведенные на их современные языки. Знание ЦСЯ возвышает? Возможно. Но не более, чем знание стихов Пушкина наизусть или любое другое специальное знание, связанное с культурой. Хорошо, конечно, знать грамматику старославянского, но вот только с христианством и Евангелием ничего общего это не имеет. Нет никаких оснований возводить знание ЦСЯ в ранг христианской добродетели. Кому нравятся все эти «аще» и «иже» – пусть поступает на филфак и наслаждается. В братских языках можно вообще найти много поэзии и пищи для размышлений. Но зачем заставлять изучать все это обычного человека, который должен продираться к благой вести через эти «иже»? ЦСЯ – это язык, который непонятен – и не должен быть понятен – не-филологу, даже если он христианин. Христианин должен понимать текст Евангелия и молитв, а не ломать голову над всеми этими «быхами», отвлекаясь от духовного смысла молитвы. Благой вестью для русских обтянута всеми этими «быльщиками» как колючей проволокой. Допускаю, что это может нравиться только тем верующим, кто хочет оградить Бога как свою территорию, недоступную профанам (как фарисеи ограждали Библию от язычников). Но это в корне противоречит евангельской идее нести благой вестью всем – и желательно так, чтобы эти «все» поняли.

ГЛАВНОЕ – БЛАГОЗВУЧИЕ?

Еще один аргумент сторонников ЦСЯ – да, ЦСЯ непонятен, но зато особо благозвучен для богослужения. Ну во-первых, на вкус и на цвет товарища нет. По мне так в этих «бых убо» благозвучие еще поискать... Я вот изучала старославянский язык, но, честно говоря, ни его красотой, ни поэзией особенно не прониклась. Даже латынь и древнегреческий были мне симпатичней, чем все эти «бых» и «приидох». Может уж лучше тогда выбрать для богослужения какой-нибудь гавайский, где сплошь гласные, поэтому язык очень напевный? Во-вторых, даже будь он сто тыщ раз благозвучен, чем русский – он непонятен! Ни к какой красоте невозможности свести Красоту божьего смысла. Поэзия не в этих «бых», поэзия – в Правде слова божьего. В греческом «вначале было слово» используется термин «логос», которое скорее ближе к нашему понятию «смысл». Использование ЦСЯ – настоящий пример именно следования БУКВЕ, а не духу, «логосу», смыслу. А тут натурально – «вначале была буква», и эта буква была церковнославянская, а смысл, «дух» этого слова – ну может потом со временем подтянется. Какой уже тут дух, если смысл не доходит. Как можно ради сомнительной «мелодики» отказываться от того, чтобы люди поняли слово Бога? Красота благой вести бесконечно выше красоты любого языка.

Я НЕ ПОНИМАЮ – ЗАТО БОГ И БЕСЫ ПОЙМУТ?

Напоследок самый вкусный аргумент, его часто приводят в виде истории о старце, который сказал отроку читать непонятные ему молитвы с обоснованием «ты не понимаешь, зато бесы поймут!» Еще помню, мама на полном серьезе передала мнение одной своей знакомой, что бесы стоят за плечом и при чтении молитв считают ошибки в ЦСЯ. Но это же чистое язычество и магизм! Молитва из живого общения с Богом превращается в колдовской ритуал. Молитва и богослужение на полупонятном языке неумолимо превращается из проповеди в какое-то камлание на эзотерическом тайном языке. Муж поделился совсем другим ощущением: «Мне кажется, Бог даже не понимает меня, когда я читаю на церковнославянском. Ибо он через мое понимание текста должен понимать меня, наверное». По-моему, гораздо более убедительно, что Бог понимает и слышит именно движения души, которые происходят в ответ на молитву, а вовсе не язык, на котором она произносится.

ПОЧЕМУ «ТРАДИЦИЯ» МЕШАЕТ ЦЕРКВИ НЕСТИ СЛОВО БОЖИЕ

По-моему, Русская Православная Церковь сейчас в прекрасной ситуации: ей вообще не нужно изобретать никаких миссионерских изысков. Достаточно для начала сделать язык, понятный русским, языком богослужения и молитвы. Разве задача Церкви – хранить культурную традицию? Если не ошибаюсь, основная задача церкви – это все еще проповедь слова Божьего. Если бы традицию хранили 1000 лет назад, так даже на ЦСЯ никогда бы и не перевели – было бы у нас богослужение на

греческом. Но нет – придумали более-менее понятный населению ЦСЯ. Так почему сейчас богослужение можно перевести на корякский, но нельзя – на русский? Еще из социальной концепции: «Культурные отличия отдельных народов находят свое выражение в литургическом и ином церковном творчестве, в особенностях христианского жизнеустройства. Все это создает национальную христианскую культуру». Но ведь именно ЦСЯ мешает сейчас формированию русской христианской культуры, ведь язык – одна из основ культуры. ЦСЯ изолирует молитву от культуры: ее сложнее интегрировать в поэзию, сложнее красиво цитировать в прозе, произносить в кино без оттенка «православной экзотики». Вот опять же, муж пишет: «Молитва должна отражать настраивание на день, я бы дополнял её своими блоками в будущем. А как её дополнять если она на церковнославянском?» Застывшая форма ЦСЯ загоняет идеи и образы молитвы в какое-то ритуальное гетто, мешая им стать частью мыслей и разговоров людей в обычной жизни. Христианство само по себе совершенно непривычное для современного человека, парадоксальное учение. Некоторые вещи по-русски не всегда объяснишь. Зачем же дополнительно ставить человеку, пытающемуся понять Божье слово, палки в колеса? Что же мешает раз и навсегда разрешить эту проблему, утвердить соборно один разрешенный перевод и благословить всех желающих служить по-русски? Тогда ЦСЯ естественным образом останется в количествах, которых он заслуживает как культурная традиция – в некоторых храмах, где филологи, а также любители благозвучия, экзотики и традиции смогут с ним познакомиться. Почему же Церковь держится за ЦСЯ мертвой хваткой? Возможно, это какой-то «комплекс восстановления» после советской власти. Но тогда этот комплекс закрывает возможности для развития. Ведь восстанавливать что-то в формате столетней давности – это добровольно отбрасывать себя на эти 100 лет. ЦСЯ – это не евангельский принцип, не догма, не церковный канон, это просто временный инструмент, который был более-менее пригоден несколько сотен лет назад, но совершенно непригоден для этой цели сейчас. По мне, читать и слушать молитвы на церковнославянском – это все равно, что вдыхать живой воздух Божьего Слова через противогаз.

Все права защищены. © [Дарья Жданова-Косинцева](#), 2014.

Оригинал: http://www.nenadoada.ru/kak_byt_khristianinom/pochemu_neponyatny_pravoslavnye_molityv/
<http://vk.com/badbeliever>